

Елена Чумакова

Дела – то жизненные...

Женские истории

Елена Чумакова
Дела-то житейские...

«Автор»

2023

Чумакова Е.

Дела-то житейские... / Е. Чумакова — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-90729-4

Почему нам так интересны события, происходящие в жизни друзей, соседей и даже вовсе незнакомых людей? Может быть, потому, что они позволяют посмотреть на собственные проблемы как бы со стороны? Помогают понять себя и близких, найти верное решение. А кому-то дают возможность загодя подготовиться к грядущим житейским бурям в собственной жизни или в судьбах самых дорогих людей. Ведь любая из этих историй может случиться и с вами.

ISBN 978-5-532-90729-4

© Чумакова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Телеграмма	5
Квартирный вопрос	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Чумакова

Дела-то житейские...

Телеграмма

Телеграмму, разделившую жизнь Инны на «до» и «после», принесли в середине дня. Еще пять минут назад она, напевая, занималась домашними делами, радуясь началу выходных. Инна с удовольствием ступала босыми ногами по нагретому летним солнцем свежевывытому полу. День обещал быть приятным – она ждала к обеду подругу Юлю. И все складывалось удачно: трехлетняя Катечка уснула быстро, без обычных капризов, восьмилетняя Даша гуляла с подружками, благо августовский день баловал теплой, солнечной погодой. Гарнизон, в котором жила семья Пушкаревых, был отгорожен от внешнего мира забором и проходной, поэтому детей отпускали гулять одних без опаски. Даже если непоседе и случалось разбить коленку, кто-нибудь из женщин приведет ревущее чадо домой, к маме. Супруг Инны, капитан Пушкарев, неделю назад отбыл в Питер на курсы переподготовки, муж Юльки ушел на дежурство, дочка Юли, Полина, гуляла с Дашей, и ничего не мешало подружкам уютно посидеть на кухне, поболтать всласть за чаем с яблочным пирогом, который уже румянился в духовке.

Звонок в дверь прозвучал неожиданно. Юля не стала бы звонить, зная, что Катюша в это время обычно спит. И вообще, в гарнизоне днем двери в квартирах не принято запирать, соседки, приятельницы, приходят друг к другу свободно, по несколько раз за день. Позвонить мог только чужой. Инна поспешила распахнуть дверь. На лестничной площадке стояла почтальонша. Инна немного знала ее, как и всех других офицерских жен в гарнизоне. В этот раз почтальонша держалась официально, но глаза горели в предвкушении сенсации.

– Вам телеграмма. Точнее, телеграмма адресована вашему мужу. Но поскольку он в отъезде...

Инна взяла бланк, развернула: «Денис поздравляю рождением третьей дочери тчк». Всего пять слов. Почтальонша не сводила взгляда с ее лица.

– Спасибо. Я передам. Где расписаться? – сказала Инна ровным голосом, недрогнувшей рукой поставила подпись в протянутой почтальоншей бумажке и закрыла дверь. И лишь потом ноги ее подогнулись, и она сползла по стенке на пол.

Пришедшая несколькими минутами позже Юлька нашла подругу плачущей в коридоре. В ответ на расспросы та осторожно, словно змею, протянула злополучную телеграмму.

– Ничего не понимаю... От кого это? – Юля вертела в руках листок, перечитывая текст, адрес.

– Не зна-аю... подписи нет...

– Что это, черт побери, значит?!

– А ты не понима-а-ешь?

У Инны начиналась истерика. Юля побежала на кухню, роняя упаковки лекарств, нашла в шкафчике флакон валерьянки, плеснула в стакан с водой, помчалась назад, к подруге. Через несколько минут та пришла в себя, немного успокоилась. Теперь женщины сидели, обнявшись, на диване и обсуждали случившееся.

– Я не могу поверить, что Денис на такое способен. Ведь вы такая дружная пара. Столько лет женаты! Двое детей... Чего в жизни не хватало?!

– Теперь у него их трое... Драйва, наверное, не хватало... Ну что ж, дам ему драйва, – Инна вытерла слезы.

– Ты это... горячку не пори. Разобраться надо... Ни подписи, ни обратного адреса. Слушай, а может быть, и нет никакого ребенка? Может, это чья-то дурацкая шутка или месть?

Розыгрыш? Кто-то, пользуясь отсутствием Пушкарева, решил ударить по нему или по тебе. Подумай, кому это может быть на руку?

– Вроде бы, никому... Но кто знает?

– Подумай, если у него серьезные отношения с этой... то она бы позвонила ему, зачем давать телеграмму? Тем более, зная, что он в Питере... Телеграмма явно послана с расчетом, что попадет в твои руки, что будет прочитана на почте. Кто-то хочет причинить твоему Пушкареву как можно больше неприятностей! Ведь он в такой ситуации защититься не может. А, возможно, это какая-то случайная знакомая, которая не знает, что он в отъезде... Да что мы гадаем? Возьми телефон и позвони мужу.

Инна схватилась за телефон, но, подумав, отложила его в сторону.

– Нет. Сначала я сама разберусь. Найду отправительницу. Отправительницу... Ты же знаешь этих мужиков. Их гвоздями к стенке приколачивай, все равно без фактов не сознаются.

Юлька повела носом:

– Слушай, у тебя ничего не горит?

Подруги помчались на кухню, вытащили пригоревший пирог из духовки. Пока хлопотали с пирогом, у Инны созрел план.

– Юлечка, ты ведь никуда сегодня не торопишься? Посиди с Катюхой. Вот, чай попей с пирогом. В холодильнике рагу, пообедайте с ней, когда проснется. Дашку и Полину покорми, когда нагуляются. А я съезжу в Перовск, в почтовое отделение, откуда была отправлена телеграмма. Пятнадцать минут туда, пятнадцать обратно. За час обернусь. Что-нибудь да узнаю.

– Посидели, почаявничали... в кои-то веки свободный день... Ладно, поезжай, посижу. Все равно посиделки коту под хвост. В такой ситуации лучше действовать, чем сидеть и страдать. Может, и в самом деле что-то прояснится. Давай быстро собирайся, до рейсового автобуса десять минут!

Перовск был ближайшим к гарнизону райцентром. В маленьком городе было только одно почтовое отделение, найти его не составило труда. Войдя в помещение, Инна решительно направилась к окошку для приема телеграмм. Девушка по ту сторону прилавка отказалась искать оригинал телеграммы, но согласилась пригласить начальницу отделения.

– Я, конечно, не имею права показывать вам рукописный бланк, – пожилая женщина смотрела на Инну сочувственно, – но как женщина женщину понимаю. Только вы уж меня не выдавайте. Подождите.

Через несколько минут Инна держала в руках оригинал телеграммы, написанный нервным женским почерком. Обратного адреса не было и там, а вместо подписи три буквы: С.Л.Н. В задумчивости женщина вышла на улицу, присела на скамейку. Что дальше делать с этой информацией? Где искать загадочную С.Л.Н.? Может, и правда это розыгрыш? Пора было идти на автостанцию, чтобы успеть на рейсовый автобус. И вдруг ее осенило: роддом-то в городке тоже один! И рожениц в нем не так много. Там она может узнать, действительно ли женщина с инициалами С.Л.Н. несколько дней назад родила девочку.

Главный врач роддома вспомнила Инну. Три года назад она сама приняла у нее новорожденную Катечку, поскольку роды были сложными. Женщина заглянула в компьютер, пошептала с сотрудницей, подумала и сказала:

– Эта телеграмма – правда. Отправила ее Сорокина Людмила Николаевна. Девять дней назад она родила у нас девочку. Адреса я вам не скажу и встречаться с ней не советую. Женщина она неуравновешенная, нормального разговора у вас не получится. Я думаю, вашей семье ничего не угрожает, если у вашего мужа имеются глаза и мозги, то он от вас никуда не денется. Просто ведите себя по-умному.

– Она молодая?

– Нет. Наверное, старше вас. Сколько вам?

– Тридцать два, – ответила Инна.

– Ваша ровесница, – продолжила главврач, – не замужем. Это ее первый ребенок. Возможно, просто попросила вашего мужа о ребенке. Самое лучшее, что вы можете сделать, – это выкинуть телеграмму и забыть о ней. Даже не говорите об этом с мужем! Сделайте вид, что ничего не знаете. Я вам, как более опытная женщина, лучше знающая жизнь, советую.

Инна вышла из роддома в полной растерянности. Теперь она знала точно, что Денис давно ее обманывает. Это знание обрушилось на нее так внезапно, похоронив благополучие их семьи, доверие, душевную близость. Как теперь с этим жить?! Поступить так, как советует главврач? А хватит ли у нее сил, чтобы делать вид, что ничего не знает? День за днем играть роль прежней жены? Ведь Денис наверняка будет навещать свою новорожденную дочь, бывать у этой женщины... И как ей, Инне, в этой ситуации быть? Притворяться, что ни о чем не догадывается? Нет, такой жизни она точно не выдержит. Да и какой смысл? От их семьи осталась лишь внешняя оболочка, внутри – пустота.

Откуда взялась эта Людмила? Что связывает ее с Денисом? Чем его привлекла? Инна поняла, что не будет ей покоя, пока не увидит эту женщину, не разберется в ситуации до конца. На автовокзале она обратила внимание на киоск горсправки. Заполнила бланк и через десять минут держала в руках листок с адресом. В небольшом городке все было недалеко. Вскоре Инна поднималась по лестнице панельной пятиэтажки, каждая ступенька давалась с трудом, словно взбиралась на Эверест. Переведя дух, нажала на кнопку звонка.

Через пару минут дверь распахнулась. На пороге стояла женщина. Инна мгновенно ее узнала. Месяца два назад она приходила в стоматологический кабинет медсанчасти, в котором работала врач Пушкарева. Это было большой удачей – найти работу по специальности в гарнизоне. Ее пациентами были солдаты, офицеры, жители городка. Почти всех она так или иначе знала, поэтому удивилась, увидев в своем кабинете двух незнакомых женщин. Одна попросила проконсультировать ее по поводу коронки на залеченный зуб. Пока Инна осматривала неожиданную пациентку, вторая – беременная, осталась стоять у двери, отказавшись пройти и сесть. Исподлобья она разглядывала докторшу, и Инне было не по себе от неприязненного взгляда. Если бы она догадалась о причине этого странного визита! Но ей это и в голову не могло прийти.

Теперь женщины молча стояли лицом к лицу, и порог, словно барьер, разделял их. Из комнаты доносился громкий, требовательный детский плач. Людмила не ожидала увидеть Инну в своей квартире. Она растерялась, побледнела, потом сказала, отведя взгляд:

– Я не могу сейчас с вами разговаривать, мне пора кормить ребенка. Приходите через полчаса, – и захлопнула дверь.

Инна устало спустилась по лестнице, побрела к автостанции. В ушах по-прежнему звучал детский плач. Говорить с Людмилой было не о чем, все и так стало ясно. Никаких надежд на недоразумение, злую шутку не осталось. Теперь с этим знанием надо было что-то делать, решать, как ей жить дальше, но сил не осталось. Их едва хватило, чтобы добраться до дома. Проплакав весь вечер и всю ночь, выпив все успокоительные в домашней аптечке, Инна взяла себя в руки – слезами горю не поможешь.

Утром вышла погулять с Катечкой и Дашей, зашла в магазин за молоком. При ее появлении женщины в очереди смолкли, все взгляды устремились к ней, словно впервые ее увидели. Выходя из магазина, услышала шепоток за спиной:

– Эта?

– Да-да, эта!

Инна гуляла с дочками по аллее между домами и всюду наталкивалась на любопытные взгляды. Благодаря телеграмме ее беда явно стала сенсацией дня. Многие смаковали новость, надеясь, что их семьи подобные потрясения обойдут, что они не окажутся следующей мишенью. В душе Инны закипала злость: за что ей этот позор? Она-то чем провинилась? Пушкарев

гуляет по Питеру и, вполне возможно, не один, а она тут вынуждена прятать глаза от людей. От нее ждут каких-то действий, но что бы она не предприняла, это будут обсуждать и осуждать.

Вернувшись с прогулки, Инна накормила детей, младшую уложила спать, старшую отпустила к подружкам, а сама взялась за телефон. А тот, словно ждал этого момента, разразился трелью, на экране высветилось привычное «Любимый». В трубке раздался такой знакомый, но как-то чересчур жизнерадостный голос:

– Привет, Кошка! Как вы там? Что новенького в городке и дома?

– Привет, Пушкарев. Есть кое-какие новости. Ты там стоишь или сидишь?

– Стою... а что такое?

– Лучше сядь. Тут мне телеграмму доставили, адресованную тебе. Сейчас зачитаю, – Инна взяла в руки злополучный листок, – «Денис поздравляю рождением третьей дочери тчк». Я присоединяюсь к поздравлению и хочу знать, что это значит.

– Понятия не имею. Чья-то глупая шутка. Выброси и забудь.

Жизнерадостность из голоса мужа пропала. Теперь он звучал напористо.

– Да? Я даже знаю чья. Сорокина Людмила Николаевна тебе знакома?

– Нет, впервые слышу.

– Может быть, тебе напомнить адрес, чтобы память прояснилась?

Инна назвала улицу, дом, номер квартиры. В трубке повисла минутная пауза.

– Ты что, там была? Разговаривала с ней?

– Да, конечно. Познакомилась и с твоей подружкой, и с вашей дочкой, – пошла на блеф жена. – Ее версию я выслушала, теперь хочу услышать твою.

В трубке вновь повисла минутная пауза. Инна ждала, чувствуя, как вновь душит обида.

– Эта стерва не докажет, что ребенок от меня. Не я один к ней ходил, – хмуро выдал Денис.

– Час от часу не легче! Можно списочек кандидатов в отцы? Я вывешу на дверях клуба. Чтобы не мне одной в спину пальцем показывали. Трудно быть единственной мишенью всеобщего любопытства.

– А что, в гарнизоне уже знают?!

– А ты думал! Телеграмма поступила на нашу почту, и мне ее принесли в распечатанном виде.

– Ой-ё... Бли-ин... – голос Пушкарева задрожал.

– Так тебе и надо! Обидно то, что опозорился ты, а расхлебывать пока приходится мне. Кстати, когда ты ходил к этой... Сорокиной... Ты ее так же называл? Стервой? Или как-то иначе?

– Слушай, Кошка, кончай издеваться. Мне и так плохо.

– Это тебе плохо?! Это мне здесь плохо! А тебе там, в Питере, где никто ничего не знает, вполне нормально. Это не тебя столько времени обманывали! Паршивец!

– Я, конечно, виноват. Ты, главное, не пори горячку. Ничего не предпринимай. Я вернусь через три недели, поговорим. Будь умницей.

– Да?! Ты развлекаешься, а я должна «быть умницей»? Нет уж, дорогой, теперь моя очередь действовать.

Гнев Инны вырвался наружу, она уже не могла его сдерживать.

– Что ты собираешься предпринять? Где вас искать? – голос мужа звучал растерянно.

– Искать нас не надо, звонить тоже, ты для меня умер. Сдох! Понял?! Всё.

Жена нажала кнопку отбоя, швырнула телефон на тахту и, размазывая по щекам слезы, побежала к аптечке за валерьянкой. На пороге комнаты стояла Юлька. Инна не слышала, как она вошла.

– Ну ты, мать, даешь... – только и смогла она вымолвить.

Некоторое время спустя, немного успокоившись, подружки сидели на тахте и рассуждали.

– Завтра напишу заявление на увольнение и поеду в город за билетами на самолет. Не могу больше здесь оставаться.

– Одумайся! Все-таки десять лет вместе... двое детей... Ведь он тебя не бросает, не выгоняет. Это ты рушишь семью! Своими руками! Ну, гульнул мужик, с кем не бывает? Ведь он не собирался заводить детей с этой... Птичкиной.

– Тебе легко говорить! У твоего детей на стороне нет.

– Да у моего тоже все рыло в пуху. Вспомни, что было год назад... Ничего же, пережили. Скоро второе дите родим.

Инна вынырнула из своей обиды:

– Юлька, ты... беременна? И скрывала от меня?

– Как раз вчера собиралась поделиться, да тебе не до этого было. Вот я и говорю – перетерпи, и все наладится. Все ж таки семья.

– Семья, говоришь? Да от семьи осталась лишь видимость. Раньше мы ходили вместе на рыбалку, за грибами, в кино, зимой на каток. А с тех пор, как Катечка родилась, всё переменилось. Пушкарев живет как квартирант. Он сам по себе, я с девочками сама по себе. Вечно ему не до нас, так и ищет повод сбежать из дома. Всю душу вымотал. Я тебе просто не рассказывала. Да и себе боялась признаться, что все так плохо.

– Но – ради детей!

– Ты хоть раз видела Пушкарева гуляющим с коляской, как другие отцы? А чтобы он с Дашей книжку почитал, уроки помог сделать? Отец... ни ласки, ни внимания дочки не видит. И вообще, не хочу, чтобы мои девочки росли в постоянной лжи, в фальшивых отношениях. Пусть учатся быть свободными.

– Я твоего ничуть не оправдываю, но ты, мать, тоже виновата. Все на себя взяла: сама картошку с рынка тащишь, сама обои клеишь, сама ножи точишь, сама с детьми занимаешься. Пушкареву дома нечего делать, вот он и ищет развлечений на стороне. Надо быть хитрее! Вот, например: мы купили новую стиральную машину, я прикинулась дурочкой: «Ой, здесь столько кнопок! Не могу разобраться! Это только ты можешь освоить». Теперь стирка – его обязанность. Купили пылесос, микроволновку – та же история. Мой знает, что если он в воскресенье сбежит из дома, значит, останется без свежих рубашек и чистых носков, без картошки, с тупыми ножами на кухне. Поэтому моему и не до гулянок.

– С моим этот номер не срабатывает. Ему все пофиг: и обои, и ножи. Я жалела его: «устаёт, бедный, на службе», освобождала от бытовых проблем. Вот и оценил... отблагодарил.

– Ты подумай хорошенько. Пушкарев ведь один не останется, тут же эта Птичкина в теплое гнездышко шмыгнет.

– Знаешь, это ровно то, что я им обоим желаю. Я даже где-то благодарна этой мадам за то, что открыла мне глаза... и что есть, кому передать Пушкарева, так сказать, в надежные руки.

– Это не ты говоришь, а твоя обида. Слишком много сарказма, бравады. Как бы потом не пожалела. Одна ведь останешься с двумя детьми! Ты бы дождалась мужа, поговорили бы, а потом решали.

– Ничего не говори! Поздно. Слово сказано, обратного пути нет. Всё, хватит! Отслужила. Дембель! Вернусь на гражданку и начну жизнь с чистого листа.

– Не страшно? На четвертом-то десятке...

– Страшно. Но еще страшнее продолжать такую семейную жизнь, впустую угробить годы... всю свою жизнь.

Обе замолчали и какое-то время сидели, думая каждая о своем.

За стеклами иллюминаторов начинался дождь, мелкий, моросящий, словно висящий в воздухе – предвестник скорой осени. Пассажиры постепенно рассаживались по своим местам в салоне самолета. Даша с Катечкой спорили, кто займет кресло «у окошка». Наконец устро-

ились и угомонились. Инна пристегнула ремень безопасности, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Позади осталась суматошная неделя сбора вещей, оформления документов, увольнения с работы. Эта суeta настолько заполнила ее дни, что на переживания не хватало ни сил, ни времени. Выбрав дорогу, она шла по ней, не останавливаясь и не оглядываясь. Девочки радовались предстоящей встрече с бабушкой и дедушкой. Они пока не понимали, что происходит. Мама рядом, значит все хорошо.

– Граждане пассажиры, экипаж самолета, совершающего рейс... рад приветствовать вас на борту... Командир экипажа... Просим вас занять свои места и пристегнуть ремни... Прослушайте, пожалуйста, информацию о правилах, которые вам необходимо соблюдать в полете... – рев двигателей заглушал речь стюардессы. Самолет неспешно выруливал на взлетную полосу.

– Улетать в дождь – хорошая примета, – произнес мужской голос в соседнем ряду.

Через несколько минут самолет пробил толщу серых туч и уверенно вынырнул на солнечный простор в ясное небо. Внизу расстилось бескрайнее белоснежное покрывало. Под ним остались страхи, волнения последних дней. А впереди... Кто знает, что ждет ее впереди...

Стюардесса предложила соки, детям выдала книжки-раскраски и цветные карандаши. Инна смотрела на сосредоточенные мордашки дочек, на приветливую улыбку стюардессы, спокойные лица пассажиров. В ней крепла уверенность, что она справится со всеми трудностями, и всё в их жизни будет хорошо.

***

Прошло восемь лет.

За окнами серел ветреный мартовский день. В кабинет заведующей стоматологической поликлиникой заглянула администратор.

– Инна Юрьевна, звонит поставщик, просит поторопиться с заявкой.

– Да-да, скажите, сейчас отправлю, – ответила заведующая, не отрывая глаз от монитора.

Инна торопилась – рабочий день подходил к концу, а запланированных на сегодня дел еще оставалось немало. Некстати зазвонил телефон, на экране высветилось «Красота моя ненаглядная».

– Да, Дашуня, давай кратко, что случилось?

– Маам, ты только не волнуйся...

– Что такое? Что у тебя стряслось?

– Не у меня, а у нас. Отец приехал.

– Какой отец?

– Ну, наш с Катюхой, Пушкарев.

– ...Куда приехал?

– На вокзал. Железнодорожный. Он позвонил на городской телефон, сказал, что приехал.

Спросил наш адрес и как добраться.

– Сюрприз... Санта-Барбара какая-то... И что ты ответила?

– Я сказала: «Перезвоните через пятнадцать минут, я спрошу у мамы, сможем ли мы вас принять».

– Умница моя! Удивляюсь, как у меня выросла такая разумная дочь! Позвонит, скажи, что я заберу его с вокзала через полтора... нет, через два часа. Пусть ждет... ну, скажем, возле табло прибытия поездов. Не можем же мы бросить его на вокзале. У Пушкарева в нашем городе нет знакомых, кроме нас.

Ровно через два часа Инна вошла в зал ожидания железнодорожного вокзала. В назначенном месте Пушкарева не было. Инна огляделась – ни одного военного. Колонну возле табло подпирали гражданский, потрепанный жизнью мужичонка с банкой пива в руках. Но не мог же он оказаться Денисом! Она снова огляделась. Никого похожего на бывшего мужа. Поймала вопросительный взгляд мужичка с пивом, тот сделал нерешительный шаг в ее сторону.

– Денис?!

– Инна? Здравствуй, дорогая женушка! – он потянулся к ней с поцелуем.

Инна отпрянула, инстинктивно выставив руку вперед. Денис понимающе усмехнулся, развел руками:

– Извини. Знаю, что не похорошел. Вот таким меня сделала жизнь.

Инне хотелось ответить: «Да не жизнь, а, похоже, пьянство», но она сдержалась. Вместо этого сказала:

– Пойдем, такси ждет. Где твой багаж? В камере хранения?

– А весь мой багаж здесь, – Пушкарев ткнул большим пальцем в ляжку полупустого рюкзака, висящего за плечами.

– Я по-спартански. Очень хотел вас всех увидеть. Собрался в одночасье и приехал... к детям.

Инне вновь захотелось съязвить: «Угу, а по поводу подарков детям, видимо, решил, что «лучший наш подарочек – это ты». Но она снова сдержалась, а вслух сказала:

– Мог бы и позвонить, предупредить о своем визите.

– Я давно собирался, а потом так... решил экспромтом.

В такси ехали молча, исподтишка разглядывая друг друга.

Инна удивлялась: «И вот из-за этого мужчинки я столько переживала? Ночами снился... Столько слез, столько нервов... еле выкарабкалась... Вот это да... Ведь тут плюнуть не на что! А еще предстоит скандал с Володей – какому мужу понравится визит бывшего?».

Дочки к приезду отца принарядились, приготовили ужин, по-праздничному сервировали стол. Однако радостное ожидание встречи на их лицах сменилось недоумением.

– Ма-ам, это наш папа? – украдкой шепнула Катечка. Инне пришлось кивнуть.

Пушкарев огляделся:

– Хорошая квартира... Снимаете?

– Купили. Ипотека.

– А-а, так это кабала на всю оставшуюся жизнь, – немного приободрился Денис. Инна не стала уточнять, что основная часть долга уже выплачена.

Пушкарев заметил фотографию на комод.

– Это кто с тобой рядом? Друг?

– Володя, муж.

– Ты замужем? Официально? – растерялся Денис.

И опять Инна сделала над собой усилие, чтобы не съязвить. Ответила просто:

– Да, официальнее не бывает.

– А у меня, знаешь, тоже все хорошо. Расписались с Людмилой, живем, растим дочку. Викой назвали. Хорошая девочка.

Денис достал из рюкзака фотографию, показал Даше, Катюше:

– Сестра ваша родная. Очень хочет с вами познакомиться. Вы уж ее не отталкивайте, не бросайте. У нее больше нет никого, даже двоюродных сестер или братьев.

– У меня одна сестренка, Даша, – буркнула Катечка.

Инна взяла в руки фотографию Вики. Сходство с ее дочерьми и с Пушкаревым несомненное. Надо же, наделал столько своих копий...

Сели за стол, вскоре пришел Володя. Зная ревнивый характер мужа, Инна приготовилась к скандалу. Однако Владимир, хоть и оторопел в первый момент, в целом повел себя по-джентльменски, даже пожал Денису руку.

– Ну что ж, раз у нас неожиданный гость, доставай, мать, коньячок.

Денис заметно оживился. После третьей рюмки мужчины нашли общий язык, со стороны посмотреть – прямо закадычные друзья.

Когда выяснилось, что у Пушкарева нет конкретного плана, нет обратного билета, более того, денег на билет тоже нет, Владимир великодушно предложил взять на себя расходы по возвращению Дениса к законной супруге.

Инна вынужденно сидела за столом с мужчинами, слушала, наблюдала и размышляла о том, насколько они лишние в ее жизни. Оба. Любила ли она Владимира? Пожалуй, нет. Увлечение развеялось довольно быстро, остались партнерские отношения. Она по-прежнему любила Пушкарева. Но не этого, чужого пьяного мужика, сидящего сейчас за столом, а того веселого красавца-курсанта с душой нараспашку, за которого выходила замуж, которому рожала детей, за которым готова была ехать на край света, скитаться по дальним гарнизонам. Возможно, она просто придумала его, до поры до времени видела только то, что хотела. Сама виновата.

Девочки отправились спать в свою комнату. Инна созвонилась с подругой, жившей этажом ниже и, во избежание недоразумений, ушла ночевать к ней.

На следующий день все разошлись по своим делам, оставив Пушкарева отсыпаться на диване в гостиной. К обеду позвонил Владимир, сказал, что купил билет на поезд для гостя, отправление в двадцать два сорок.

В обед позвонила Катя, первой вернувшаяся домой из школы:

– Мама, а отца дома нет. Ушел куда-то. И записки никакой не оставил.

Инна заволновалась, ведь Денис совершенно не ориентировался в незнакомом городе. К вечеру беспокойство переросло в панику. Время отправления поезда неумолимо приближалось, а Пушкарева по-прежнему не было. Инна с Володей объехали все окрестные бары и рюмочные, все отделения милиции, обзвонили больницы – безрезультатно. В разгар поисков позвонила Даша:

– Мам, отбой. Явился. Пьяный.

До отправления поезда оставалось меньше двух часов. Пока Владимир приводил в чувство гостя, Инна наскоро собрала в дорогу сумку с продуктами. Как-никак трое суток в поезде.

Когда семья примчалась на вокзал, поезд уже стоял у перрона. Но тут возникла новая проблема – проводница наотрез отказалась пускать в вагон пьяного пассажира. Бесстрастный голос диспетчера объявил отправление поезда. Денежная купюра решила исход дела. Владимир втащил незадачливого гостя в вагон. Спрыгивать на перрон ему пришлось уже на ходу.

– Слава тебе, Господи! Отправили... – перекрестилась Инна.

– Вот это да! Вовек не забуду твоего бывшего, – похохатывал муж. – И, кстати, от моей зарплаты ничего не осталось. Придется месяц сидеть на твоей шее.

"Тоже мне, новость. К этому нам не привыкать", – подумала Инна, но вслух сказала другое:

– Спасибо тебе, дорогой! Что бы я без тебя делала?!

Перед сном Инна заглянула к девочкам, пожелать им спокойной ночи.

– Маам, мы хотим тебе сказать... – Даша замялась, подыскивая нужные слова, – мы раньше обижались на тебя, что у нас нет рядом родного папы, а теперь поняли, что ты молодец. У тебя хватило смелости уехать и увезти нас. Какая бы жизнь была с таким отцом?! Спасибо тебе.

– Да, – поддакнула Катя, – и даже за дядю Володю больше не обижаемся.

Квартирный вопрос

Глава 1

Маринка нежилась в шезлонге, подставив лицо ласковому сентябрьскому солнцу, а перед ней расстилалось целое море крыш. Там, внизу, в ущельях улиц сновали машины, спешили прохожие, кипела жизнь большого города, а здесь, в вышине, были только она и птицы. Слева сиял купол собора, справа зеленым островом раскинулся парк. Девушка всего две недели назад приехала в Петербург, ей только предстояло узнать, что это за собор, как называется парк, куда ведет эта улица. Город манил, как непрочитанная, но давно желанная книга, сколько в ней интересных страниц – листай и листай.

Марина Субботина родилась и выросла в тихом провинциальном городке. Девочка старательно училась, да и как иначе, если мама завуч школы? Беззаботное детство закончилось, когда Маринка училась в седьмом классе. Онкологию у мамы обнаружили слишком поздно, сгорела она быстро, семья не успела опомниться, как осталась без своего основного стержня. А через год отец женился второй раз.

Новую папину жену звали Ларисой. Она была молода, хороша собой, разумна. И, в общем, никаких претензий у Маринки к ней не было, кроме того, что мачеха заняла рядом с отцом место, предназначенное маме и ей, дочери. Тут бы самое время развернуться всем прелестям подросткового возраста, но нет, Марина по-прежнему хорошо училась, исправно ходила в школу и не причиняла никому особых хлопот. Бунт имеет смысл, если есть кому на него реагировать, а если все вокруг заняты собой, если всем фиолетово, что там происходит в твоей жизни, то и смысла в бунте нет никакого. Вскоре в семье родился мальчик, и вновь в квартире обитала счастливая семья Субботиных: папа, мама и сынок. Маринка стала чем-то вроде рудимента бывшей семьи. Лишний элемент – так она видела ситуацию. Ее не обижали, о ней заботились, все необходимое покупали – вроде бы и жаловаться не на что, но холодно и тоскливо стало ей дома. Лариса честно пыталась подружиться с падчерицей, однако быстро поняла, что это бесполезно, свернула деятельность в этом направлении и заняла позицию нейтралитета.

Марина решила, что может рассчитывать только на себя. У нее появилась цель – уехать учиться в Петербург. Почему именно туда? Ведь она никогда не бывала в этом городе, видела его только на экране телевизора и знала по рассказам мамы, окончившей Петербургский педагогический. Они планировали съездить в гости к маминой институтской подруге, да так и не успели. Петербург стал для Маринки Городом Мечты. Она прекрасно сдала ЕГЭ, получила отличный аттестат и объявила о своем решении отцу. Тот удивился:

– Зачем ехать за тридевять земель, когда рядом с домом есть учебное заведение – медико-фармацевтический колледж, тебя с твоим аттестатом туда примут безоговорочно. Фармацевт – отличная специальность для женщины. В тепле, чистоте, в женском коллективе, спокойно день отработала – и домой, к семье.

– Хочу получить высшее образование, учиться в Петербурге, – стояла на своем дочь.

Лариса падчерицу поддержала:

– Пусть едет, пробует свои силы. Чем выше целится, тем выше взлетит. Она разумная девочка, у нее получится.

Сошлись на компромиссном решении: отец отпускает дочь в Петербург и финансирует учебу, насколько позволяют доходы семьи, а она подает документы в Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет. В принципе Маринке было не так важно, в каком

университете учиться, главное – уехать в Питер. В восемнадцать лет пятилетний срок обучения кажется огромным, целая жизнь в северной столице, а дальнейшее будущее теряется в туманной дали. Это еще когда-а-а будет!

Маринка приехала в незнакомый город одна. В паспорте лежала бумажка с двумя номерами телефонов. Первый телефон принадлежал старушке, у которой можно снять угол, его добыла для падчерицы Лариса. Вторым телефон принадлежал маминной институтской подружке, его нашел отец. Оставив вещи в камере хранения, Маринка позвонила по первому номеру.

Ираида Соломоновна предложила встретиться в саду ТЮЗа, возле метро "Звенигородская". Старушка оказалась совсем не такой, какую ожидала увидеть Марина, да и старушкой-то ее нельзя было назвать – почтенная дама в летней шляпке на крашенных кудряшках. Маникюр, серьги, кольца, яркий платочек на дряблой шее – все с претензией на шик. И взгляд соответствующий, оценивающий, сверху вниз. Разговор происходил на лавочке. Девушка честно ответила на вопросы Ираиды Соломоновны и, видимо, прошла «кастинг», из сада они отправились в квартиру. Доробой хозяйка квартиры вещала:

– Мои условия такие: никаких гостей, городской телефон никому не даешь, кроме родителей, сама звонишь в крайнем случае, домой возвращаешься не позже девяти часов вечера. Я ложусь спать в десять, после этого никаких хождений по квартире. Если идешь в театр или куда-то еще, заранее позаботься, где будешь ночевать, и не забудь позвонить, предупредить, чтобы я не беспокоилась. Питаться будешь в студенческой столовой, в кафе – где хочешь, но никакого топтания на кухне. Максимум – можешь сварить яйцо, кофе. И никакой грязной посуды в раковине, замоченного белья в ванной. Платишь за проживание авансом, за месяц вперед.

Наконец пришли. Квартира оказалась такой необычной, что девушка забыла обо всех «условиях». Она располагалась в мансарде бывшего доходного дома, попасть в нее можно было из парадного соседнего, примыкающего к нему здания. Сразу за дверью квартиры оказалась еще одна лестница в пять ступенек. Дальше площадка с монстерой в кадке и круглым окном, выходящим во двор-колодец, затем поворот, еще несколько ступенек и, наконец, жилая часть квартиры.

По одну сторону коридора – санузел и узкая длинная кухня с полукруглым окном, тоже выходящим во двор. Кухня была похожа на коммунальную: два разномастных холодильника делили пространство на две части, у окна стол, покрытый клеенкой, две табуретки, а в углу круглый белый стол с легкими полукреслами и фотообои с изображением улицы, идущей к морю. Словно уголок южного кафе.

По другую сторону коридора – две небольшие комнаты. Одну занимали сын хозяйки с женой, вторую сама хозяйка.

В комнате Ираиды Соломоновны стоящий перпендикулярно к стене шкаф отгораживал закуток, в котором за кисейным пологом находилась кровать хозяйки. Дальше стояли диванчик, на котором предстояло спать Марине, напротив сервант времен СССР с коллекцией фарфоровых статуэток, в углу стол-книжка, над ним висел телевизор. А рядом с диванчиком – та-дам! – выход на просторную, до самого края крыши, террасу с шезлонгом, кофейным столиком и цветущими геранями в горшках. Справа и слева от террасы простиралась крыша с антеннами, дымоходами. Маринка почувствовала себя в гостях у Карлсона. И какой чудесный открывался с террасы вид на город! Девушка смирилась со всеми условиями хозяйки, лишь бы остаться в этой квартире. Впрочем, выбора у нее все равно не было.

Глава 2

Начались студенческие будни, новая, непривычная жизнь: новые лица, новые предметы и учителя. Однокурсники быстро перезнакомились, на глазах складывались компании, завязывались дружбы, у кого-то до конца учебы, а у кого-то на всю оставшуюся жизнь. Марина была довольно замкнутой особой, с людьми сходилась не быстро, но и у нее появилась приятельница Люся, почти землячка. Обе девушки скучали по дому, по привычному укладу быта. Какой бы ни была интересной жизнь в столичном городе, она немного пугала обеих. Вот и ухватились друг за друга, вдвоем не так страшно. После лекций подружки вместе бежали в столовку, потом готовились к следующим занятиям на лавочке в Ботаническом саду, либо гуляли по городу. Они купили туристическую карту Петербурга и, ориентируясь по станциям метро, осваивали город по кусочкам. Частую дождливую погоду переживали в кино или недорогой закуской.

В съемный угол Марина возвращалась ближе к «комендантскому часу» – к девяти часам вечера. Люсе повезло, ей удалось заселиться в общежитие, а Марине там места не хватило. А может, не хватило настойчивости, чтобы это место отвоевать. Пришлось приспособливаться к требованиям квартирной хозяйки.

Ираида Соломоновна, бывший педагог, всерьез взялась за воспитание новой жилицы. Любимым словом хозяйки было «нельзя». Она постоянно приводила в пример квартирантке бывшую жилицу Танечку, и Марина уже тихо ненавидела эту незнакомую образцово-показательную девушку. Похоже, та была ангелом бестелесным и не нуждалась ни в еде, ни в душе, не занимала туалет и не развешивала на балконе свое белье. У Марины так жить не получалось, и поэтому она постоянно зарабатывала замечания. Теперь девушка поняла, что равнодушные мачехи было не худшим вариантом, оказалось, что гораздо труднее вынести такое пристальное внимание, каким опутала ее Ираида Соломоновна. Маринка честно старалась соответствовать всем требованиям.

В этот воскресный день хозяйка ушла в гости, ее сын-художник с женой, тоже художницей, укатили на несколько дней «на плэнэр», и Марина на террасе наслаждалась теплым сентябрьским днем и покоем. Она сидела в шезлонге, любясь городом с высоты крыши, и раздумывала, как же построить добрые отношения с Ираидой Соломоновной. Ведь незнакомой Танечке это удалось, значит, возможность существует. И Маринка не придумала ничего лучше, как устроить уборку в комнате. Инициатива, как известно, наказуема, что в итоге и получилось.

Стерев пыль со всех горизонтальных поверхностей, Марина открыла сервант. Стоило только коснуться тряпкой пыльной стеклянной полки, как та вдруг накренилась, и коллекция фарфора поехала вбок. Оказалось, что один из штырьков, на которых держится полка, сломан. Перепуганная девушка удержала полку, на пол упали только фарфоровый заяц и декоративное блюдце, стоявшее на подставке с самого края. Заяц лишился уха, а блюдце раскололось на две части. Уфф. Всё могло обернуться гораздо хуже. Марина решила, что завтра же купит клей и починит фарфоровые вещицы. Набрав ведро воды, она взялась за полы. Мокрый пол весело желтел в косых лучах закатного солнца. Вдруг сзади раздался сдавленный крик. Маринка оглянулась. В дверях стояла Ираида Соломоновна и смотрела на нее с таким ужасом, словно увидела вместо жилицы чудовище.

– Ты... ты что наделала?!

– Я? Полы решила помыть... прибраться в комнате... пыльно тут... было.

– Это паркет! Его нельзя мыть! Ты испортила мне полы!

Тут Ираида Соломоновна узрела останки зайца и блюдца на письменном столе и перешла на визг.

– А это еще что такое? Ты зачем полезла в сервант?! Что ты там искала? Кто разрешил тебе лазить в моих вещах?

– Я пыль протирала, а там полка качается. Я все почию, склею... Или новые куплю.

– Ты? купишь?! Да ты знаешь, сколько стоят эти вещи? Это же антиквариат! Я так и чувствовала, что нельзя тебя одну в квартире оставлять. Сразу полезла по шкафам шарить.

– Я не шарила! Я хотела как лучше, доброе дело сделать!

– Не ври! Кому другому сказки свои рассказывай.

Марина поняла, что оправдываться бесполезно, хозяйку не переубедить. Соревнование с безупречной Танечкой она явно и окончательно проиграла.

Никогда еще ее не подозревали в воровстве. От обиды слезы застили глаза. Марина вытащила из-под дивана чемодан и побросала в него свои вещи. Ираида Соломоновна, выпустив пар, внимательно за ней наблюдала.

– Все собрала? Я тут моток кружев найти не могу, может, случайно к тебе попал?

Она подошла и бесцеремонно обыскала чемодан.

– Хм, нет. Ты можешь идти куда хочешь, а чемодан твой пока побудет у меня. Рассчитайся за ремонт антиквариата, тогда и вещи заберешь.

Ираида Соломоновна захлопнула чемодан, застегнула замки и сунула его под кровать.

Марина вышла из парадного и остановилась в растерянности. Куда идти? Денег у нее оставалось немного, только-только дотянуть до даты отцовского перевода. А сколько придется отдать бывшей хозяйке, чтобы выкупить чемодан? Позвонить отцу, попросить помощи? А как же ее самостоятельность и независимость? Что придется выслушать от отца? Была бы жива мама, она бы все поняла. Марина вспомнила о маминой подруге и позвонила ей.

Анна Антоновна отнеслась к девушке сочувственно:

– Конечно, Мариночка, приезжай. Буду рада с тобой познакомиться. Вместе что-нибудь придумаем.

Анна Антоновна Гусева жила недалеко, в районе Пяти углов. Вскоре Марина оказалась в классической питерской коммуналке.

Семья маминой подруги занимала две комнаты и состояла из нее, ее мужа и двоих сыновей. Маленькая, проходная комнатка служила одновременно гостиной, столовой и учебной комнатой мальчишек. В большой комнате находилась спальня с двухъярусной кроватью для сыновей и супружеским ложем родителей, отгороженным затейливой китайской ширмой.

Кроме Гусевых в квартире проживало еще три семьи. На общей кухне теснились две газовых плиты и четыре разнокалиберных стола, над ними громоздились какие-то допотопные полки. Кафельная плитка местами выкрошилась, стены окрашены грязно-зеленой краской. Зато высоченные потолки украшала роскошная, прямо-таки дворцовая лепнина. Из центра розетки вместо люстры свисала лампочка на длинном шнуре. В ванной с такими же шербатыми полами и зелеными стенами под потолком висели четыре таза, вокруг мутного зеркала в старинной оправе приколочены четыре полочки с мыльницами и прочими умывальными принадлежностями. Весь этот коммунальный антураж показался Марине странным, неприятным. Неужели в самом парадном городе страны люди по-прежнему живут так же неустроенно, как сто лет назад? Что-то ей эта экзотика не очень...

Анна Антоновна отнеслась к дочери подруги радушно, пригласила к столу, к семейному ужину. Остальные члены семьи приняли ее доброжелательно-равнодушно. Выслушав рассказ Марины о случившейся с ней неприятности, Анна Антоновна успокоила девушку:

– Не расстраивайся, дорогая. Конечно, мы тебя приютим на первое время, а там видно будет. Может, после зимней сессии в общежитии местечко освободится. А пока устроишься на этом диване. Нет-нет, никаких денег я не возьму. Бедная Аллочка, бедная моя подруга! Так рано ушла из жизни! Такое несчастье! Так мы с ней и не повидались... Всё собирались, всё планировали. То одно мешало, то другое. Кто ж знал...

Питаться будешь с нами. Если хочешь, можешь продукты покупать, приносить в общий, так сказать, котел. Мне готовить что на четверых, что на пятерых – какая разница? А что

касается этой мегеры Ираиды, то пусть сначала вернет деньги за две недели проживания. Ты ведь заплатила за месяц вперед? Так? А прожила только полмесяца. Там посмотрим, кто кому и сколько должен. В выходные ходим с тобой вместе за чемоданом.

Жить в гостинной оказалось неудобно. Семья допоздна смотрела телевизор, расположившись на диване. Старший сын часто засиживался за уроками до часу ночи, в школу он ходил во вторую смену, а вечерами пропадал в тренажерном зале. Марине приходилось вставать в полседьмого, чтобы не опоздать в институт, и она хронически не высыпалась. На лекциях клевала носом под монотонные голоса преподавателей и ничего не могла с собой поделывать.

Между тем доброжелательность Анны Антоновны постепенно шла на убыль. Раздражение прорывалось в интонациях в разговорах с сыновьями, с мужем, но Марина чувствовала, что причина именно в ней, квартирантке. И она тут не виновата, как бы ни старалась вести себя незаметно, просто чужой человек в доме мешал, как соринка в глазу.

Соседи смотрели на квартирантку косо, едва кивали в ответ на «здрассте». Понять их можно – и так народу полная квартира, да тут еще лишний человек в очереди в ванную по утрам.

«Час икс» настал довольно скоро. Анна Антоновна вернулась из кухни сильно не в духе, раздраженно бухнула чайник на обеденный стол.

– Нет, Марина, извини, но так больше продолжаться не может. Зачем мне эти разборки с соседями? Маргарита Львовна жалуется, что ты пользуешься ее мылом и полотенцем, каждый раз, заходя после тебя в ванную, обнаруживает их мокрыми. А Виталий Иванович упрекает меня, что ты таскаешь у него сахар из сахарницы. Я понимаю, что может быть это не так, но до твоего появления в квартире мы ладили с соседями. И с мужем мне неприятности не нужны.

– Что, Денис Николаевич тоже на меня жалуется? Вроде бы, он ко мне хорошо относится, – удивилась Марина.

– Даже слишком хорошо, я бы сказала, – холодно вымолвила Анна Антоновна, смерив девушку надменным взглядом, – короче, кончилось мое терпение. Собирай вещи и уходи.

И опять Марина оказалась на улице, только теперь ей совсем некуда было идти.

Глава 3

Поразмыслив, изгнанница отправилась в студенческое общежитие на улицу Рентгена, к Люсе, но прорваться мимо вахтерши без пропуска не удалось. Та стояла насмерть. Не помогли ни студенческий билет, ни слезная просьба. И телефон подружки, как нарочно, был недоступен. Марина топталась перед общежитием, надеясь встретить кого-либо из знакомых. Бесполезно. Между тем быстро темнело. С неба моросил то ли дождь, то ли снежок, первый в этом году. Марина побрела к трамвайной остановке. Куда ехать – сама не знала, но не сидеть же ночью на улице. Подошел трамвай, идущий на Финляндский вокзал, она села и поехала, решив, что в такой ситуации ночевка на вокзале это – единственный выход.

Она вошла в просторный, ярко освещенный зал ожидания. Пассажиров в этот поздний час было немного. Марина сдала вещи в камеру хранения, в круглосуточном буфете выпила чай с полусушеным кексом, без труда нашла свободное кресло и попыталась заснуть. Пластиковое сиденье было неудобным, мешали яркий свет, объявления диктора о прибытии и отправлении поездов, страх, что ее могут обокрасть или выгнать на улицу. Навалилось все враз: растерянность, обида, одиночество. Нарастала паника, Марине стало трудно дышать, она выбежала на перрон, походила вдоль состава, чтобы успокоиться. Поезд отправлялся в Стокгольм. Пассажиры занимали места в комфортабельных купе, впереди у них приятное путешествие. Одна она такая неприкаянная. Сесть бы в поезд и уехать домой, к маме, в беззаботное детство. Но туда поезда не ходят... А возвращаться жалкой собачонкой в дом, где хозяйничает Лариса, Марине не хотелось.

Подремав перед рассветом пару часов, девушка кое-как привела себя в порядок в вокзальном туалете и поехала в университет. Она честно пыталась конспектировать лекцию, но монотонный голос преподавателя действовал на нее после бессонной ночи как снотворное. Глаза слипались, сознание безудержно уплывало.

– Ты чего такая странная сегодня? – толкнула ее в бок Люся. – Чем ночью занималась? Пришлось Марине рассказать о вчерашних злключениях.

– Ты вот что, поезжай-ка в общагу, выпишись на моей кровати, все равно ни писать, ни слушать лекции толком не сможешь. Я тебе потом отсканерую конспекты. Держи мой пропуск и ключ от комнаты. Вернись – позвоню, спустишься в туалет на первом этаже и передашь мне пропуск через окно. Поняла? И там на столе, в сковороде осталось немного картошки, разогрей и поешь. Чайник, пряники найдешь. Заварка кончилось, попьешь чай «белые ночи», кипяток то есть. И спать!

Четкий алгоритм действий, заданный подружкой, взбудрил и прибавил сил.

С этого дня Маринка перешла на «нелегальное положение». Она проходила в общежитие по пропуску Люси, потом передавала его через окно туалета законной владелице. Спали подружки вдвоем на узкой односпальной кровати с панцирной сеткой. Еще три однокурсницы, жившие в этой же комнате, отнеслись к подселению Маринки с пониманием. Жили одним кооперативом, в складчину. Одна из девочек подрабатывала в ночь через две санитаркой на станции скорой помощи, в эти ночи Марина занимала свободную кровать, и подруги высыпались как следует. А днем, вместо посещения лекций, Марина занималась поисками жилья. Многочисленные агентства предлагали аренду квартир или комнат, но эти варианты совершенно не вписывались в бюджет Марины, а поисками углов задешево агентства не занимались. Она днями топталась в районе Львиного мостика, где, как в давние времена студенчества мамы, можно было встретить бабулек, сдающих угол. И, наконец, ей повезло.

Аглая Митрофановна была классической деревенской старушкой, невесть каким ветром занесенной в столичный город. Жила она недалеко от Львиного мостика в такой замшелой коммуналке, что, казалось, время тут замерло со времен военного коммунизма. Марине так и не удалось сосчитать, сколько же народу в ней жило. Одни люди исчезали, другие появлялись, кто-то к кому-то приезжал, одни квартиранты сменяли других, возникали и распадались недолгие сожителства – в общем, на фоне быта столетней давности жизнь обитателей коммуналки бурлила потоком. К появлению Марины обитатели отнеслись равнодушно, только сразу вписали карандашом вместо кого-то выбывшего в длинный график дежурств по местам общего пользования.

Аглая Митрофановна жила в малюсенькой девятиметровой комнате, значительную часть которой занимала железная кровать с никелированными шариками и продавленной панцирной сеткой. У окна стоял квадратный стол, покрытый бархатной скатертью, а вдоль противоположной стены громоздился двустворчатый шкаф, Марина видела такие в старых, еще довоенных фильмах.

Спать ей предстояло на раскладушке в узком пространстве между столом и входной дверью, больше разместиться было негде. Постелить себе постель Марина могла только после того, как хозяйка укладывалась спать, а утром должна была быстро все убрать. Прилечь днем нечего было и мечтать. Маринка с тоской вспоминала свою уютную девичью комнатку в родительском доме. Может, прав отец, и надо было учиться рядом с домом? Жила бы как у Христа за пазухой... Но такие мысли посещали ее голову только ночью, когда ворочалась на неудобной раскладушке, а днем Марина погружалась в водоворот студенческой столичной жизни: лекции, зачеты, прогулки с подружками по чудесному городу. Кино, музеи, театры, выставки, вечеринки в общаге. Аглая Митрофановна «комендантский час» ей не назначала, приходи хоть под утро, главное – поставить раскладушку тихо, чтобы не потревожить крепкий сон хозяйки

комнаты. Проблема возникла в другом – где и как готовиться к приближающейся серии зачетов? А за ними грозovým облаком надвигалась зимняя сессия.

Аглая Митрофановна любила поговорить. Если не спала, то принималась рассказывать о своем житье-бытье, о родственниках и знакомых, соседях нынешних и выбывших, живущих в этой квартире и в соседних. Что-что, а посплетничать она любила! И бесполезно было просить старушку не мешать готовиться к экзаменам, она тут же забывала о договоренности. Сидеть с конспектами и ноутбуком на лавочке в Ботаническом саду стало холодно, в столовой или в кафе шумно, в читалке вечно нет свободных мест. Предстоящая сессия пугала все больше.

Кое-как продравшись сквозь зачеты, Марина все же получила допуск к сессии. Первый экзамен должен был состояться третьего января. Она даже не пошла на новогодний вечер в общежитие, чтобы не тратить драгоценное время. И зря, заниматься ей все равно не дали, соседи бурно отмечали Новый год. Глуховатая хозяйка спокойно спала, а Маринка, заткнув уши берушами, пыталась разбираться в своих путаных конспектах. На следующий день Аглаю Митрофановну навестила племянница. Марине пришлось ретироваться с конспектами на кухню, но и там сосредоточиться никак не получалось, кухня была самым бойким местом в густонаселенной квартире. А после ухода гостьи хозяйка завела такой разговор:

– Ишь ты, племяшка сподобилась меня, бабуку, навестить. В кои-то веки! Я-то обрадовалась, думала, вспомнила обо мне, родня как-никак. Да не так просто вспомнила, оказывается. У ей муж-то второй, а у него дочка от первой жены имеется. Так вот приютить ее просила, на какие-то курсы она в Питер из Твери приезжает. А у меня раскладушка-то одна, вторую и приткнуть некуда. Ты, деточка, подыскивай себе другое жилье. Не хочется мне тебя выгонять, ты и уважительная, и покладистая, и непьющая-некурящая. Но куда ж деваться? Не с руки мне, старой, с единственной родней ссориться. Дней десять еще поживи, до конца праздников, а там уж она и приедет.

Марина вновь почувствовала, что ей не хватает воздуха, словно чужая рука сжала горло. Накатил страх, сердце заколотилось в груди, словно стремясь выскочить из клетки. Она рванула створку окна под заполoshные крики Аглаи Митрофановны и жадно хватала ртом морозный воздух. Холод и колючий снег привели девушку в чувство.

Экзамен по неорганике Маринка, естественно, завалила. Явилась в деканат за допуском на пересдачу. Заодно снова подала заявление на место в общежитии.

Секретарша пробежала глазами бумажку, хмыкнула:

– У нас сильно вырос контингент иностранных студентов, на днях еще прибывают. Кого-то из своих выселять придется, а вы вселиться хотите. Ладно бы еще учились на отлично. А то с двойками на что-то претендуете!

– Так потому и двойка, что ни жить, ни заниматься негде. Я вообще-то школу с медалью закончила.

– Да знаем мы этих провинциальных медалистов! Думаете, вы первая заваливаете сессию?

Марина почувствовала, что ее колотит. Она схватила свое заявление и на обратной стороне листа написала новое – на отчисление.

Секретарша пробежала глазами бумагу, пожала плечами:

– Я передам декану. Через пару дней сможете забрать документы.

В этот момент в приемную вошел сам декан. Увидев бледную дрожащую девушку, задержался.

– Что тут происходит?

– Да вот... завалила первый экзамен, хочет забрать документы.

Декан взглянул на неровные строчки.

– Ну-ка, ну-ка... Пойдемте ко мне в кабинет, милочка.

Он усадил девушку, налил воды из графина, выслушал, переждал слезы.

– Вот что, барышня, слезами и нервами делу не поможешь. Давайте успокоимся и рассудим трезво. Поступить в столичный вуз не так-то просто. Вам это удалось. И вы хотите сейчас вот так, сгоряча, все перечеркнуть? Трудности бывают в жизни у каждого, учитесь их преодолевать. Мест в общежитии действительно нет. Оно у нас старое, тесное, на новое финансирование не выделяют. Сессию, судя по обстоятельствам и по состоянию здоровья, вы сейчас сдавать не в состоянии. Я бы посоветовал вам оформить академический отпуск, поехать домой, подлечиться, отдохнуть, а в сентябре вернуться к учебе. Мы вас сейчас поставим на очередь на место в общежитии, но гарантии не даю. Многие студенты объединяются, чтобы вместе снимать нормальное жилье, подумайте, поищите такой вариант. В общем, не порите горячку, все решаемо. Договорились?

Марина кивнула. Встретив понимание и поддержку, она несколько успокоилась, руки трястись перестали, слезы высохли. Выход нашелся.

Глава 4

Виктор Михайлович, отец Марины, встречал ее на вокзале. Вместо не по годам серьезной и самоуверенной домашней «пышечки», которую он провожал всего-то чуть больше четырех месяцев назад с этого вокзала, из вагона вышла бледная, сильно похудевшая девушка с растерянно-виноватым выражением лица. Он разозлился на этот равнодушный холодный город, так потрепавший его девочку, и почувствовал досаду на себя, что не смог ее защитить. Марина истолковала хмурый вид отца по-своему.

– Папа, ты сердисься на меня, что я вернулась, не справилась? – спросила она, сидя в машине рядом с отцом.

– Нет, дочка, я сержусь на себя, что отпустил тебя одну в чужой город, – ответил он.

Дом встретил Маринку ароматом свежее испеченного пирога с капустой. Лариса помнила, что это ее любимый пирог. Маринкина комната выглядела так, словно она и не уезжала никуда, все вещи на своих местах: и мамин портрет над письменным столом, и любимый мишка на кровати, и книги на полках. Здесь ее убежище, можно прилечь днем или читать допоздна, словом делать, что хочешь, и никто, никакая «хозяйка» не выгонит ее на улицу, словно надоевшую кошку.

Первые дни Марина почти не выходила из своей комнаты, даже есть предпочитала у себя, а не за общим столом. С каждым днем она становилась спокойнее, набиралась сил. И скоро ей стало скучновато сидеть без дела в четырех стенах. Маринка взялась помогать Ларисе в домашних делах и обнаружила, что с мачехой интересно, вполне можно поговорить на любую тему, почти как с подружкой. Младший братишка перестал вызывать раздражение и ревность, с каждым днем становился все забавнее. Маринке понравилось гулять с ним, катать на санках, лепить снежную бабу. А уж как трогательно он тянулся к старшей сестре!

Февральская погода располагала к прогулкам. Солнечные дни обещали скорое тепло. Городок оттаивал после январской стужи. Точно так же оттаивала душа Марины и вновь требовала дружеского общения, деятельности. Она опасалась, что знакомые начнут обсуждать ее неудачу, но оказалось, что у всех хватало своих проблем, и особого интереса к ней никто не проявлял. Ну, приехала домой и приехала, что такого?

Отец возвращался с работы поздно, усталый. Марине совестно было просить у него денег на карманные расходы, и так жила на всем готовом. Она решила, что пора самой зарабатывать деньги. А тут, кстати, соседка подсказала, что на почте не хватает работников, и вскоре Марина уже разносила почту по своему району. Зарплата почтальонши небольшая, но зато целый день на свежем воздухе, в движении, среди людей. Как только сошел снег, девушка выгатила из сарая велосипед и теперь колесила по участку с почтовой сумкой. Промелькнул ароматный май, отцвели черемуха и сирень, быстро побежали благословенные летние дни.

Маринку все устраивало в нынешней жизни, и она уже всерьез подумывала остаться дома и поступать, как настаивал отец, в фармацевтический колледж. Она и скучала по Питеру, университетским подружкам, студенческой жизни, и боялась вновь оказаться бездомной, бесправной. Вот и тянула с окончательным решением.

Как-то теплым июльским вечером поехала на велосипеде на речку освежиться в прохладной воде. На песчаной отмели, куда горожане приходили купаться, встретила школьную подружку Зинку.

– Привет, Маринка! Какая ты... спортивная стала со своим велосипедом, прямо кровь с молоком. И да, новость слышала? Сашка приехал.

– Какой Сашка?

– Да ладно, какой... Тот самый, по которому ты слезки лила. Бабы Нади внук.

Сердце Марины забилося, кровь прилила к щекам, но она ответила как можно равнодушнее:

– Подумаешь! Когда это было? Мне лет двенадцать-тринадцать было, а ему семнадцать-восемнадцать. Он и не смотрел в мою сторону. Так, детские заморочки.

– Хорошо, если только детские, потому что приехал он не просто в гости к бабушке, а жениться. Кстати, он же питерский. В этом году окончил Макаровку. Фу-ты ну-ты, морской офицер! В форме просто отпад! Хотя, если присмотреться, то такой же веснушчатый, как раньше.

– Он что, привез невесту с бабушкой знакомиться?

– Нет! Ты не поверишь, он на Ирке жениться собрался! Ну, помнишь, у них компания была? Трое парней и две девицы, везде они вместе: на каток, на речку, в походы. Ты еще из-за этой Ирки страдала. Она девчонкам сказала, что заявление с Сашкой подали, вот-вот регистрация.

– Ну что ж, как говорится, совет да любовь. Пойду, пожалуй, искупаюсь, вода сегодня теплая.

Марина сбросила сарафан и, поднимая брызги, забежала в воду. Продолжать этот разговор ей совсем не хотелось. Хоть детская любовь давно позади, а все же новость царапнула, разбудила былую ревность.

На следующий день Марина, как обычно, развозила почту и на перекрестке столкнулась с влюбленной парочкой. Встреть бы она Сашку одного, без Ирки, где-нибудь в Питере, не узнала бы. Из тонкого симпатичного парнишки с соломенно-вихрастой головой он превратился в плечистого импозантного молодого человека, только веснушки остались прежними. Марина хотела свернуть за угол, удрать, но было поздно, Ирина заметила и окликнула ее.

– Привет, Марина! Ты что не здороваешься со старыми знакомыми? Не узнала, что ли? Это же Саша Одинцов, бабы Надин внук.

Во всем ее облике читалось: «Смотри, какого парня я отхватила! Смотри и завидуй». Марина только глянула в голубые с золотистыми искорками глаза повзрослевшего Сашки и поняла, что пропала, но уже не как в детстве, а по-взрослому.

– Здравсте. Узнала, – только и смогла она выговорить.

– А я вот не узнаю, из какой куколки вылупилась такая бабочка, – ответил Сашка, внимательно разглядывая смущенную велосипедистку.

– Это же Маринка Субботина, дочка дяди Вити и тети Аллы, с соседнего дома. Она еще твой портрет нарисовала, помнишь? – уточнила его спутница.

– Это из той толстушки с косичками такая барышня получилась? Ну, чудеса-а!

Ирина слегка забеспокоилась, тон жениха ей не понравился, и она добавила слегка язвительно:

– Представляешь, прошлым летом Марина поступила в какой-то питерский вуз, но после первой же сессии вылетела и вернулась домой. Теперь вот почту развозит.

– Молодец, что поступила. Это непросто, конкурсы в Питере – ого-го! Не каждая решится, – Саша посмотрел на девушку с уважением, и это еще больше не понравилось Ирине.

– Между прочим, можешь нас поздравить, через неделю свадьба! – объявила она Марине и прижалась к Сашкиному боку, ласково заглянув ему в лицо.

– Поздравляю, – буркнула Марина. – Извините, я на работе.

Она объехала парочку и помчалась вдоль улицы, словно за ней гнались собаки. Сашка проводил ее долгим взглядом.

На следующий вечер Марина, возвращаясь с работы, привычно свернула к речке. День выдался жаркий, хотелось освежиться. На ходу стянув платье, бросила его на велосипед, закрутила волосы на макушке, вошла в прохладную воду и поплыла. Заплывать в стремнину не стала, вернулась в заводь. Возле ее велосипеда кто-то сидел на коряге. Выходя из воды, узнала Сашу.

– Привет. Ты что тут делаешь один, без Ирины?

– Добрый вечер. Да она поехала платье покупать, а я решил отдышаться, прогуляться по знакомым местам и случайно увидел тебя.

Марина с трудом натянула платье на мокрое тело, распустила волосы, просушивая их руками, подняла с земли свой велосипед и покатила его к дороге. Саша шел рядом.

– Выходит, мы прошлой осенью оба были в Питере, гуляли по одним и тем же местам. Возможно, даже встречались, но не узнали друг друга... Так что там за история с твоим отчислением?

– Никто меня не отчислял, наврала тебе Ирина. Я взяла академ из-за проблем с общагой, жить было негде. Осенью вернусь к учебе, если место в общежитии дадут. Наскиталась по частным углам, больше не хочу.

Дом был все ближе, и шли они все медленней. Потом и вовсе остановились, присели на скамеечку у чужого двора. Марина понимала, что нехорошо прогуливаться с чужим женихом. Надо бы прекратить разговоры, попрощаться и уйти, но все тянула, сил не было сказать «прощай». Тем более разговор коснулся самой животрепещущей темы.

– Ты, правда, через неделю женишься?

– Да. Понимаешь, окончил Макаровку, получил звание лейтенанта и направление в закрытый гарнизон под Североморском. Места не самые комфортные для проживания. А уж служить там холостяком и вовсе тоска. Традиционно большинство курсантов сразу после выпускного женятся. А с Ириной мы дружим с юности. Она все годы учебы писала мне письма, приезжала несколько раз в Питер. У меня как-то даже и не было других вариантов. И потом далеко не каждая согласится ехать в Североморск. Вот ты бы согласилась, если бы я тебе предложил?

– Зачем этот вопрос? Ведь ты уже предложил Ирине.

– Да. Ни к чему спрашивать. Давай я провожу тебя до дома, поздно уже.

Дом Марины был совсем недалеко. Саша помог втащить велосипед в подъезд, пристегнуть замком к трубе, попрощался и пошел.

– Саш, – окликнула его Марина.

Он оглянулся.

– Я бы согласилась, – негромко сказала Марина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.